

УДК 502.1

Д.В. Трубин

Архангельский региональный общественный фонд «Музей леса»
имени заслуженного лесовода РФ А.Ф.Заволожина, г. Архангельск

АГРОФОРЕСТ: ПАШНЯ И ЛЕС В НЕРАЗРЫВНОЙ СВЯЗИ

Россия – лесная страна. Лес - привычная среда обитания её жителей. Предки россиян – лесные жители с особым образом жизни и особым складом характера. По бескрайним лесным просторам они, да и жители других лесных стран, такие же «лесовики», ещё в давние времена неспешно распространились по широким просторам тайги и первобытных дубрав. Особенно привлекателен для проживания был, как ныне его называют, центрально-чернозёмный район. Ведь в далёком прошлом он тоже был покрыт дремучими лесами. За пределами лесной зоны территория была представлена степными, полупустынными ландшафтами. Там властвовали кочевые племена.

В плане земледелия безлесные земли, конечно, более всего подходят: и климат теплей, и плодородие выше, и территория свободна от древесной растительности. Только паши и сей! Но здесь выше риски и множество иных опасностей. Если в трудах праведных обжить такие благодатные территории, сразу появится много агрессивных претендентов и наглых «нахлебников». Придётся защищать от них свою землю в жестокой, иногда неравной борьбе, или уходить в другие края. Нередко здесь ещё случаются страшные природные катаклизмы, вроде засух, чёрных бурь, нашествий саранчи. Тогда процветающий родной край превратится в безжизненную пустыню, и люди вынуждены будут бежать из него, гонимым голодом, хоть на край света в поиске куска хлеба. А лес всегда давал людям защиту, кров и пищу.

Природные условия на заре цивилизации накладывали неизгладимые отпечатки на национальные особенности народов. Жители степей, например, отличались от горных народов и по роду занятий, и по характеру. В приморских странах люди, веками живя возле моря, тоже приобретали особый, отличный от других, «моряцкий» (или рыбацкий) менталитет. И лесные жители по своему складу также отличались от степняков, горцев, поморов особыми, специфическими чертами. Эти черты приобретались в процессе многовекового общения с богатым растительным миром, представленным и большими деревьями, среди которых живут всевозможные животные, и разнообразными кустарниками, и всевозможными травами, мхами, грибами. В истории лесных жителей сначала было собирательство съедобных растений, потом сбережение их зарослей, устройство постоянных жилищ возле них из богом данных лесных материалов, а там и первые земледельческие опыты. Рискнем предположить, что земледелие в Евразии зародилось в лесной зоне трудами лесных жителей и стало основой их существования.

Можно долго рассуждать, по каким ментальным признакам многовековая история сортировала людские потоки из благодатной центральной Руси, из этого гигантского инкубатора российской нации, по её окраинам. В лесной среде хорошо размножаться! А когда становится тесно, жизнь побуждает наиболее энергичных к освоению но-

вых земель: кого в лесные дебри Севера, кого на заманчивый «чернозёмный», но и более опасный Юг, кого в неведомые просторы Сибири, а кого и на «просвещенный» Запад. Как бы то ни было, пустынный ранее лесной край страны за последнее тысячелетие оказался достаточно плотно заселён. А чтобы благополучно проживать в этих суровых краях, новопришельцы везде начинали их освоение с земледелия. Об этом свидетельствуют ряд авторов: Е.Н. Бакланова (1976), П.А. Колесников (1976), Т.А. Бернштам (1978).

Земледелие в лесной зоне и степное земледелие - рознь! Дело не в характере тех и других земледельцев. Они происходили из одних родовых корней. Различие заключается в особенностях круговорота веществ в живой природе той и другой зоны.

По одной из научных версий суть различия такова. Растительный мир, как разумно организованное неким Творцом дитя природы, существует для того, чтобы **производить, накапливать и хранить биологическое вещество** для продолжения жизни на Земле. В этих запасах аккумулируется энергия! Когда-то, давным-давно природа произвела гигантские запасы биопродукции, которые за миллионы лет превратились в залежи каменного угля, нефти, природного газа. Сейчас их с удовольствием использует неразумное дитя природы – человек. Тысячелетиями накапливаются колоссальные торфяные, сапропелевые и другие залежи биологических материалов, ещё не до конца разведанных «баловнем судьбы».

В степной зоне (а также и в прериях, и в саваннах, и других безлесных ландшафтах, обеспеченных теплом и влагой) процесс накопления происходит за счёт того, что каждым летом нарастает мощный пласт травянистой растительности. По истечению вегетационного периода травяная масса отмирает, разлагается в **гумус** и пополняет очередным слоем толщу чернозема – уникального биологического материала, хранимого на поверхности земли в некоторых регионах веками.

В лесной зоне при обилии атмосферных осадков и дефиците тепла (недостаточного, чтобы высушить излишки влаги) хранить производимый травянистой растительностью продукт на поверхности земли нельзя! Его быстро вымоет дождями и вешними водами и смочет в мировой океан. Мудрая природа предопределила быть здесь не кратковременной траве, а долго растущим деревьям. Их транспирационный аппарат: листва и хвоя, так же как и степной травостой - это могучий цех по производству биологического вещества. Но он лишь малая часть древесного организма! Другая часть деревьев – накопительная: древесина ствола, корней и ветвей, кора стволов, чешуйки шишек.

Древесина является хранилищем производимой продукции! Деревья ежегодно распускают листья (или хвойные иголки на 3-5 лет). В них в течение вегетационного сезона происходит фотосинтез, в результате которого в каждом листе или хвоинке производится по капельке пластических органических веществ. Часть их откладывается в древесине очередным годичным слоем, а часть приберегается на постройку будущей листовой пластинки. Листва и хвоя периодически опадают и попадают в лесную подстилку, в очередной «цех» системы круговорота веществ в природе. Переработавшись в гумус, продукция лесного сообщества в малой степени удерживается в почвенных слоях, а в большей степени всасывается мощной корневой системой деревьев. Таким образом, питательные вещества сразу же вовлекаются в новый оборот, чтобы локализоваться в конечном итоге в надёжных толщах крепкой древесины сначала слоем камбия, а затем очередным годичным кольцом ствола. Лесная природа не доверяет почве копить свои производимые богатства, и именно поэтому лесные почвы такие бедные по сравнению со степными. Их называют подзолистыми по особому подзолистому слою, или горизонту вымывания зольных элементов, который лежит под лесной подстилкой.

Отсюда и различия в земледелии. Лесной земледельец, расчистив от деревьев «новину», единожды снял тонкий слой «сливок» (плодородия) и потом забросил его или многие лета бьётся над поддержанием плодородия своей нивы. Степной земледельец,

напротив, может долго черпать плодородие распаханного участка, как сметану ложкой из глубокой кринки, пока не истощится слой тучного чернозёма или пока не налетит полчище кровожадных степняков-кочевников (варианты: ...или большевистских продотрядов за продразвёрсткой, или «чёрных» риэлторов по заказу новоявленного агрохолдинга).

Но оставим пока политические аспекты развития сельского хозяйства, и сосредоточимся на технологических. Действительно, лесная расчистка в течение 3-4 лет даёт неплохой урожай, особенно, если её хорошенько прожечь оставшимся древесным хламом. А потом её можно забросить и расчистить новый участок, а в противном случае - щедро удобрять старый. На таком приёме была основана первая подсечно-огневая система земледелия. Потом ей на смену пришла постоянная, севооборотная система земледелия (История..., 1984).

Подсечно-огневая система самая древняя в человеческой цивилизации. С неё начиналось много веков назад земледелие и в других, покрытых лесом странах в древней Европе, Азии, Америке. Она и самая длительная. До XX века она применялась параллельно с постоянной севооборотной системой. Путём лесных расчисток славяне расширяли зону своего обитания, осваивали новые территории. Эта система была средством славянской колонизации европейского Севера. Хрестоматийная история утверждает, что русских первопроходцев манили на пустынный Северо-Восток богатые рыбой реки, охотничьи угодья, пушнина. Но мы подозреваем, что заманивали их и перспективы заниматься хлебопашеством на вольных землях без гнёта феодалов и царских посадников. По крайней мере, сведений о хлебных обозах из Великого Новгорода в Чудь Заволочскую для многочисленных ватаг и воинских дружин та история не приводит. Надо полагать, что вместе с новгородскими ушкуйниками и ростово-суздальскими дружинами продвигались в дальние края и крестьяне. Они оседали на волоковых путях на постоянное жительство, секли лес, сеяли жито, подкармливали удалых первопроходцев. Успехи на подсеках подсказывали им, на каких местоположениях лучше обосноваться, сделать постоянную многолетнюю пашню, устроить починок или выселки, а потом и богатую деревню.

В те давние времена, в начале прошлого тысячелетия, европейский Север в одинаковой степени «обшаривали» и новгородские ушкуйники, и нормандские варяги. Исторические данные свидетельствуют о равной пропорции их набегов на Беломорские побережья (Архангельская..., 2014). Но в итоге он оказался заселён славянами! А почему не скандинавами? Очевидно, дело как раз в тех особых различиях лесных жителей и жителей морских побережий. Лесовики, из среды которых были новгородские ушкуйники, склонны к оседлому образу жизни, основанному на занятиях земледелием. А поморяне-викинги не были прикованы к земле, они предпочитали морские скитания и приключения, из которых извлекали средства к существованию.

Сами ушкуйники недолго задерживались в благодатных лесных уголках, а лишь оставляли на них свои следы, какие-то приметы и шли дальше. Их удел, как и у варягов, был первопроходческий: походы в неизведанные земли, контакты с аборигенами, торговля, а то и разбой. Но они влекли за собой одноплеменников, лесных землепашцев, те и оседали на земле, начиная в первую очередь с земледельческого опыта.

Начальный этап расчистки был элементарно прост. На выбранном участке леса срубали все деревья и подготавливали их для просушки. Старались, чтобы ствол не отделялся полностью от высокого пня, а зависал на недорубленных слоях древесины и не соприкасался с мокрой землёй. На особо толстых стволах пролысками снимали кору. Конечно, лучшие стволы вывозили с «новины» и употребляли для строительных дел. Ближе к осени подсушенный «пирог» из стволов и ветвей поджигался. Надо полагать, что в первые минуты это было грандиозное пожарище. Когда хвоя, листва и тонкая часть древесного хлама сгорала высоким пламенем, огонь переходил в режим тления и

его продолжали поддерживать. Это называлось: «новины катать». Вал тлеющих деревьев кольями перекачивали с одного края новины на другой (см. рис. 1). По возможности выковыривали корни и нетолстые пни, заравнивали бугорки, колдобины, разгребали ровным слоем золу. Она-то и была главной целью огненной потехи и залогом будущего урожая: обогащала почву минеральными элементами питания и снижала её высокую кислотность.

Рис. 1. Работы по подсечно-огневой системе.

Несмотря на затрачиваемые большие усилия, пахать такую новину было затруднительно, поэтому её рыхлили простыми боронами-суковатками, мотыгами, заступами. Земледельцы старались в ту же осень засеять участок озимую рожью, и первый урожай был отменный, потому что золы получалось много, а конкуренты-сорняки еще не проникали на новину. На следующий сезон убирали урожай, а потом высевали яровые культуры: ячмень, овёс, репе - лён, репу, пшеницу.

По истечению 3-4 лет пахотный слой новины заметно окультурировался, но благотворное воздействие золы заканчивалось, да и сорняки проникали на поле в изобилии. Нужно было принимать решение о дальнейшей судьбе поля. Она могла быть разной. При наличии признаков потенциального плодородия и при возможности поддержать плодородие новина могла быть вовлечена в постоянный севооборот. При этом она объединялась с другими разрозненными участками, окончательно раскорчёвывалась и выравнивалась, очищалась от возможных валунов для удобства сплошной вспашки и включалась в ежегодные замыслы по удобрению навозом или перегноем.

Но становясь постоянной нивой, такая пашня меняла свой юридический статус – она становилась владетельной, то есть становилась официальной собственностью, то ли крестьянина на основе «захватного» права, то ли феодала (князя, царя, синьора), во владениях которого крестьянин посмел распахать поле. При этом она ставилась на земельный учёт, обретала многократно повышенную стоимость в денежном выражении и облагалась «тяглом» (налогами).

Подсеки не поддавались учёту со стороны государственных чиновников или феодалных посадников. Поди разузнай, из какого леса прокопченный крестьянин приволок куль зерна! Эти подсеки были самостоятельным лесным промыслом крестьян, богом данным, как и грибы, ягоды. Хотя, как видим, такие «грибочки» доставались нелегко, зато бесплатно! Поэтому подсечный промысел северных крестьян распространялся на обширной территории и продолжался очень долго. Следы его сохраняются даже в современных ландшафтах.

При лесоустройстве южных районов Архангельской области в 1970-80-х годах нам приходилось сталкиваться с такими следами подсечного земледелия в лесном фонде многих лесничеств. На материалах аэрофотосъёмки отчётливо видно, что многие деревни в радиусе 2-5, а иногда до 7-10 километров окружены массивами молодых насаждений с особым фотографическим рисунком мозаичного характера. Мозаика складывается из геометрических контуров площадью по 0,5-2,0 гектаров, по цвету и текстуре фотоизображения отличимых друг от друга. Это заросшие лесом поля или

подсеки. Различия в цвете и текстуре объяснялись тем, что поля забрасывались в разные годы и на момент съёмки были покрыты насаждениями разного возраста: одни – более молодыми, другие – более старыми. Кроме того, они зарастали разным лесом. Если в год оставления поля был хороший урожай семян сосны, то поле покрывалось молодым сосняком. Если урожая сосны не было, поле зарастало берёзой, осиной, ольхой, а чаще смешанным насаждением с разной пропорцией разнопородных деревьев. Но в пределах одной подсеки лес был однородный, поэтому и получалось на аэрофото-снимке «поскутное одеяло».

Специальных исследований на эту тему не проводилось, но даже по ориентировочным оценкам, таких лесов по старым подсекам в южных районах Архангельской области насчитывается не менее миллиона гектаров, или 1/10 часть лесного фонда. Это уже не девственные, а вторичные леса. Площадь постоянной пашни в этом регионе лишь около 100 тыс. га.

По возрасту насаждений, произраставших на местах подсечного земледелия, можно судить, что эта система широко практиковалась на европейском Севере до тридцатых годов прошлого столетия и прекратилась, очевидно, в связи с колхозным строительством. Таким образом, упомянутый выше миллион гектаров леса перепахан северными крестьянами за 5-6 столетий, начиная с массового славянского заселения в XIV-XV веках и до тридцатых годов прошлого столетия. Не исключено, что имел место и «перелог», то есть какая-то часть заросших подсек через 20-40 лет вовлекалась в сельскохозяйственный оборот повторно и, может быть, многократно.

Обращает внимание исключительно высокая продуктивность лесов по старым пашням. По данным лесоустройства сосняки на них в 50-70-летнем возрасте растут по I и даже Ia классу бонитета и достигают запаса 300 м³ на 1 га. Архангельский учёный Н.Н. Соколов (1978), обследовав один массив таких лесов в Каргопольском районе (там такие места имеют местное название «лядины»), подтверждает такую тенденцию. По его данным, текущий годичный прирост запаса в таких сосняках достигает 5,8 м³ на 1 га. Причины высокой продуктивности лесов в местах подсечного земледелия заключаются в грамотном выборе крестьянами местоположения, в остаточном плодородии пашни и в благотворном влиянии поверхностного рыхления лесной почвы.

Как видим, масштабы лесного земледелия внушительны и влияние его на ландшафты грандиозно. Но подсечкой не ограничивались лесные промыслы северных крестьян. До времён леспромхозов, появившихся в 1920-30 годах, не было профессии лесоруб. Древесину на российские лесопильные заводы заготавливали исключительно крестьяне, используя для этого зимний период, свободный от сельскохозяйственных занятий. Это был наиболее распространённый отхожий промысел. Кроме лесозаготовок по подряду, крестьяне заготавливали много древесины и для своих личных и общинных нужд: строительных брёвен на постройки, дров, жердей на изгороди, всевозможных заготовок для инвентаря и бытовых изделий. Многие крестьяне занимались в лесу смолокурным промыслом, насыщая внутренний и внешний рынки ходовым товаром: смолой, пеком, дёгтем. Многие крестьянские ремёсла требовали специфических лесных занятий: бондарное дело, корзиноплетение, изготовление посуды, прялок, саней, телег. А ещё в крестьянской среде был распространён охотничий промысел, рыбалка на лесных речках и озёрах, заготовка грибных и ягодных припасов. И потому леса постоянно были наводнены крестьянскими промысловиками, испещрены нахоженными тропами, зимниками, путиками. Курились очаги на охотничьих заимках, смолокурнях, на дальних сенокосах, у лесных избушек и просто на распустьях лесных путей, или, как говорят северяне, на «расстаньях». Крестьяне, может быть, не знали научного лесоводства, но очень хорошо знали свои леса, тонко понимали, как всё взаимосвязано в природе: и деревья, и почвы, и воды, и животные. Сейчас это в науке называется биоценологией, но право же, гложут сомнения – знают ли о лесах учёные профессора больше, чем тот кре-

стьянин. Вообще, северное крестьянское хозяйство по праву нужно назвать комплексным – этакий первобытный АГРОФОРЕСТ. Без лесной составляющей оно не могло существовать!

Эпоха модернизации разделила крестьян на лесопромышленников и аграриев. Первые оставили сельскохозяйственные занятия, поступили в постоянные штаты леспромпхозов и под руководством Коммунистической партии заступили на трудовую вахту с раннего утра и до позднего вечера, одни с топором и пилой, другие за рычагами трактора или баранкой автомобиля. До земли лишь в редкое короткое время руки доходили, чтобы на задворках лесопунктовского посёлка грядку вскопать и выращенной картошкой дополнить скромную продуктовую пайку.

Те же, кто в леспромпхозы не пошли и остались при земле, вынуждены были вступать в колхозы под начало не всегда грамотных, но идейных председателей. Тем тоже стало некогда по лесам слоняться. Нужно было кормить индустриализирующую страну.

Ход мирового развития диктовал жёсткие условия: ускоренный рост ВВП, повышение производительности труда, необходимость борьбы за внешние рынки. Для этого потребовались концентрация и специализация производства, тотальная механизация, государственное регулирование. Единоличные мелкие хозяйства в такую систему не вписывались

В лесной промышленности перешли на сплошные концентрированные рубки, стали оснащаться мощной техникой. Со временем развилась современная инфраструктура: лесные посёлки, специализированные лесовозные дороги. Были построены крупные целлюлозно-бумажные заводы. В технологическом отношении отошли от сортиментной заготовки и стали «косить» всю древесную массу сплошь огромными деланками (Плохов, 2003). Сортировка, как технологическая операция, переместилась с деланок куда-то к лесозаводам: на нижних складах и крупных промежуточных лесобазах пиловочник выбирали на лесопиление, балансы – на ЦБП, всё остальное – в топки или на свалку.

В сельском хозяйстве мелкие крестьянские наделы также объединили в обширные поля, добавили к ним за счёт присельских лесов новые угодья, обзавелись тракторами и комбайнами, стали в массовом порядке применять минеральные удобрения. Применительно к новым производственным масштабам развивались агротехника, агрохимия, селекция, генетика. Нужда в лесной составляющей резко сократилась, и леса без сожаления вытесняли с колхозных угодий. Бывшие «сестрички» (АГРО и ФОРЕСТ), вышедшие из одного крестьянского гнезда, разошлись на долгие десятилетия, как в море корабли.

Безусловно, технический прогресс позволил осуществить мощный промышленный скачок, как в аграрном, так и в лесном секторе экономики. Это происходило и в нашей стране, и ещё раньше в других развитых странах мира. Но такая масштабная и неоглядная модернизация в отраслях, относящихся к одной, по сути, сфере природопользования, несёт в себе глобальные экологические проблемы. За рубежом об этом задумывались ещё раньше и сейчас много чего предпринимают в плане экологизации производства. В нашей огромной стране модернизация в сфере природопользования шла в режиме «закусивши удила». Надо было догонять и перегонять! Поэтому изначально игнорировались многие общепринятые нормы, как-то: соблюдение принципа постоянства пользования лесом или необходимость искусственного лесовыращивания, а негативные проявления по политическим соображениям старались не замечать (Моисеев, 2010). Возникающие проблемы решались экстенсивными факторами развития (распахать целинные и залежные земли, повернуть вспять реки, вырубить притундровые леса).

Но негативные последствия безудержной модернизации аграрного и лесного сектора, копившиеся десятилетиями, выплеснулись в годы «перестройки». И сельское хозяйство, и лесная промышленность оказались не готовы к задуманным структурным реформам и крепко просели в девяностых-двухтысячных годах. Зарубежные товары не только вытеснили отечественных производителей с международных рынков, но уверенно завоевали и внутренние, российские прилавки.

Современные аграрная и лесная политика России сейчас демонстрирует растерянность. Не понятно, каким путем развиваться дальше. Надежды, что частная собственность и рынок выведут на путь развития, пока не оправдываются. Структурные реформы подвержены коррупции, а научно-технический прогресс требует грандиозных инвестиций. А потому проявляется любопытство: а чем в мире живут?

В некоторых уважаемых странах наблюдаются интересные тенденции. Грань между сельским и лесным хозяйством достаточно размыта. Землевладельцы не специализируются узко в своём растениеводстве: то ли выращивать сельскохозяйственные культуры, то ли товарную древесину, то ли новогодние елки. Выбор диктует конъюнктура рынка. Сельскохозяйственное производство смещается в страны с тёплым климатом, а в умеренной зоне всё больше сельхозугодий оказываются занятыми деревьями. На аграрном опыте развивается плантационное лесовыращивание. Создаются особые популяции быстрорастущих древесных пород. Срок выращивания балансовой древесины сокращается до 7-12 лет. Немногим больше времени требуется для выращивания высококачественного пиловочника и других сортиментов. В междурядьях лесных культур нередко на начальном этапе выращивают сельскохозяйственные культуры, получая от земли дополнительный доход. На стыке сельского и лесного хозяйства особым темпов достигло очередное новшество биотехнологий - выращивание энергетической древесины (Трубин, 2014). В целом, уже около половины потребляемой в мире древесины заготавливается на плантациях, хотя площадь их в мировом лесном пространстве всего 7 % (Paun et al., 2015). Это отрадная тенденция, когда родные леса могут постепенно освободиться от промышленной лесозаготовки и выполнять экологические, климаторегулирующие, защитные, рекреационные и другие важные функции.

Развитые страны уже давно стараются сберечь свои естественные леса, а если и вовлекают их в промышленное использование, то делают это осторожно. Избегают сплошных концентрированных рубок, практикуют систему промежуточных рубок ухода, модернизируют тяжёлую лесозаготовительную технику, совершенствуют свои уникальные комбайны для заготовки древесины – харвестеры и форвардеры.

А когда из-за границы стала поступать информация, что новые лесные комбайны умеют ещё и лес сажать по принципу рассадопосадочных машин в сельском хозяйстве, интерес к их опыту ещё более усилился. Правда, для этого у них оказались ещё машинные комплексы другого рода – высокотехнологичные механизированные и автоматизированные тепличные комплексы по выращиванию сеянцев с закрытой корневой системой в торфяных брикетиках. Этот опыт также почерпнут в аграрном секторе. Такие сеянцы заряжают в специальную харвестерную головку, как пули в барабан револьвера. Потом этот лесопосадочный харвестер на вырубке могучей лопатой приготавливает посадочное место в виде рыхлого холмика и нежно выстреливает в него пулей-сеянцем, аккуратно приминая вокруг него землю. Обьедет, постреливая сеянцами, всю вырубку такой лесной комбайн, засадит её новым лесом, и можно будет сменить посадочную головку на обычную, чтобы ехать рубить следующую делянку.

Будет ли такое чудо на российских вырубках? Пока в это трудно верить! Лесхозы и лесничества разрушены надолго. Государство отстранилось от лесохозяйственной деятельности, а частный бизнес не мотивирован заняться этим серьёзно. Иногда можно услышать о намерениях успешных лесопользователей-арендаторов укомплектовать свой машинный комплекс и лесовосстановительными машинами, но если такое случит-

ся, это будут единичные случаи. А чтобы восстанавливать, например, беломорскую тайгу, нужна система.

Чтобы не заканчивать на минорной ноте, попытаюсь заронить в тревожное будущее зерно надежды, которое проросло бы добрыми последствиями прихода современных комбайнов в лес и поле. Пока первые впечатления от этого прихода двойственны. С одной стороны – они облегчают труд и повышают производительность. Но с другой – они ведь рушат весь уклад жизни лесных посёлков. **Харвестерная революция!** (Беломорская тайга..., 2015). С этими комбайнами не нужны мастерские участки в лесу, не нужны нижние склады с обязательным посёлком. Если есть зимний вариант, то не нужны и круглогодичные тупиковые дороги в дальние массивы. А всё это ведёт к тому, что не нужны и жители загородных поселений. Всё в лесу заменяет малый комплекс: харвестер, форвардер, лесовоз-фискарс, а на полях – редкие агрохолдинги. Они мобильны и могут базироваться хоть где, хоть в городе.

А в загородной местности за годы советской власти все поселения исторически рассортировались условно на три типа: лесные посёлки, аграрные посёлки и старинные традиционные деревни. Последние два вида иногда совмещаются. В аграрных посёлках беды начались чуть раньше: упадок производства, зарастание полей, ликвидация производственных объектов, безработица. Хотя причины несколько другого рода, но последствия очень похожи (Никонов, 1995). Лесные посёлки дружно шагают вслед за аграрными, каждый к своему маленькому апокалипсису. Но не харвестеры их ведут к этому. Эти умные машины, наоборот, должны вдохнуть жизнь в умирающую территорию и толкнуть к поиску выхода. А выход подсказывает история – гибридное производство, **АГРОФОРЕСТ**, новое воплощение бывшего крестьянского хозяйства в высокотехнологичном формате!

Северный крестьянин, как мы пытались доказать выше, всегда был одновременно и земледельцем, и лесником. Это историческая основа, которая запечатлена на клеймах иконы Жития соловецких святых Зосимы и Савватия (см. рис. 2). Первопоселенцы рубили лес, возделывали землю, строили дома и растили хлеб. Зимой в лесу, летом - в поле. Одной половинкой на Севере не прожить! Так было несколько веков, за которые накопился огромный исторический опыт культуры леса и культуры поля, соединённых в единый хозяйственный комплекс крестьянского хозяйства. В России раздельное существование единого целого продолжалось лишь короткий отрезок исторического времени (несколько десятилетий) и к успеху не привело.

Рис. 2. Агрофорест в древнем северном крестьянстве.

Сегодня осколки двух несостоявшихся социалистических укладов: аграрного и лесопромышленного, невольно следуя мировым тенденциям и зову предков, стремятся друг к другу, чтобы не пропасть поодиночке и слиться в нечто единое, комплексное, устойчивое. Тому уже сейчас есть масса предпосылок. Фермеры осаждают лесничества в стремлении получить делянку на заготовку древесины, чтобы продать партию брёвен и закупить семена. А то и вступают в армию «чёрных» лесорубов. Представители малого лесного бизнеса в моменты неудач или неуклюжих лесных реформ тоже готовы вернуться к исконному крестьянскому труду и заняться земледелием. Но преградой встаёт острая грань между лесным и земельным законодательством. И вообще, малый бизнес, как сельский, так и лесной, прообраз которого - в историческом опыте крестьянского хозяйства, не находит места в российской действительности. Поэтому пока выживание села идёт хаотично, спонтанно, мелкомасштабно и полузаконно, но направленно – к объединению. Этот объединительный процесс усилится, когда в нем будет присутствовать некое высокотехнологическое связующее звено, вроде того харвестера, который умеет и заготавливать лес, и садить растения в землю.

А может, и древний опыт по подсечному земледелию возродится! Ведь у него такое заманчивое содержание: в первые годы после рубки деревьев лесная земля может дать хороший урожай сельскохозяйственных культур (и заметьте, экологически чистых). А после краткосрочного сельскохозяйственного пользования почти без усилий вырастает замечательный лес. Думается, исторический опыт, помноженный на высокотехнологическое начало и современные научные знания с прибавлением мотивации энергичного энтузиаста, может дать ошеломляющий экономический результат.

В любом случае, стоит надеяться, что вот-вот появятся новые хозяева земли северной. Нам кажется, это будут операторы высокотехнологичных машин, лесных или сельскохозяйственных – это неважно, но при этом они будут напитаны основами народных знаний и традиций лесоводства и агрономии. Как и прежде, летом в поле, а зимой - в лесу, будут ковать они свое благосостояние. А потому будут они людьми состоятельными, не бедными, чтобы около них мог кормиться и стар, и млад. Для страховки своего дела и защиты своих интересов желательно, чтобы они вспомнили уроки истории начала прошлого века по развитию российской кооперации (Никонов, 1995; Иванов, Журавлёва, 2016) и через неё обрели необходимую устойчивость.

А где будет селиться северный крестьянин будущего – это уж он сам решит! Наверное, не в разваливающемся лесопунктовском посёлке и не на центральной усадьбе умершего колхоза. Там печать тлена. И уж точно не в городе. Пусть потянет его к родному печищу, в заброшенную деревеньку далёких предков. Место для её основания выбрали мудрые первопоселенцы не по указке губкома, а по особому крестьянскому наитию. Чтобы и земля была плодородная, и чтобы лесные богатые уголья были рядом, и чтобы солнца на всех хватало, и чтоб хрустальная вода журчала там, где надо. Несколько веков её жители из поколения в поколение питывали деяниями своими округу, намаливали свято место. В тяжёлое время деревенька не умерла, а только затаилась, может даже притворилась мёртвой, и ждет, когда же кто-нибудь вдохнёт в неё новую жизнь. И стоит прийти сюда дальнему потомку её основателей с благими намерениями и с железным конём нового поколения, расцветёт деревенька на радость благодетелю и одарит его чудными дарами.

Список использованной литературы

Архангельская областная летопись (с древнейших времён до наших дней) / Под редакцией проф. А.В. Репневского. Архангельск: Агентство по делам архивов Арханг. обл., 2014. 540 с.

Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. М: Наука, 1976. 222 с.

Беломорская тайга: вчера, сегодня, завтра. 2-е изд. /Под общей редакцией Д.В. Трубина. Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера», 2015. 440 с.

Бернштам Т.А. Поморы (Формирование группы и система хозяйства). Л.: Наука, 1978. 176 с.

Иванов А.В., Журавлёва С.Н. Философия российского села: природный, культурный и человеческий потенциал // Эко-потенциал. 2016. № 1 (13). С. 83-92.

История северного крестьянства. Том 1. (Крестьянство Европейского Севера в период феодализма) / Под общей редакцией П.А. Колесникова. Архангельск: Сев.-Зап. книжное издательство, 1984. 432 с.

Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1976. 416 с.

Моисеев Н.А. Леса России: проблемы, решения (вопросы экономики и организации управления). М.: Изд-во «Вектор ТиС», 2010. 632 с.

Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.

Плохов В.С. Лесопромышленный комплекс Архангельской области. Этапы развития (1703 – 2001). Архангельск: Изд-во Арханг. гос. тех. ун-та, 2003. 319 с.

Соколов Н.Н. Рост и продуктивность сосновых древостоев по старым пашням // Лесной журнал. 1978. № 4. С. 22-25.

Трубин Д.В. Швеция – Россия. Диалоги о лесах. Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера», 2014. 64 с.

Rayn T., Carnus J.-M., Freer-Smith P., Kimberley M., Kollert W., Liu S., Orazio Ch., Rodriguez L., Silva L.N., Wingfield M.J. Changes in planted forests and future global implications // Forest Ecology and Management. 2015. Vol. 352. P. 57–67.

Рецензент статьи: доктор сельскохозяйственных наук, профессор, проректор по научной работе Уральского государственного лесотехнического университета С.В. Залесов.